

Анатолий ГОРБАТЮК

ЯЗЫК МОЙ — ДРУГ МОЙ!

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ КНИГИ "ТАМ ХОРОШО, ГДЕ... ЗАПИСКИ БЫВШЕГО ЭМИГРАНТА"

Великий Жан-Батист Поклен, более известный, впрочем, как Мольер, заметил, что слово дано человеку, чтобы выражать свои мысли. Итальянский же дипломат и писатель Николо Макиавелли, наоборот, доказывает, что язык дан человеку, чтобы мысли эти тщательно скрывать. А вот проживающий в США публицист Юрий Борин утверждает, что "...независимо от целей и намерений, говорить в любом случае надо. Не молчать. Не мычать. Не размахивать зря руками. Иначе тебя неправильно поймут и неверно истолкуют. В общем, человечество все время помаленьку прогрессировало в области языкознания. Вплоть до того момента, когда появилась новая наука — *обсценология* (курсив мой. — А. Г.)". Не знаю, представляет ли читатель, что это за штука такая, но скажу честно: если б не эрудированный американец с русской фамилией, — пребывать мне еще и пребывать в полной филологической темноте, но Ю. Борин любезно поясняет: "Этот спецпредмет ввели на филологическом факультете Казанского университета. Это наука, которая изучает ненормативную лексику. Так сказать, непарламентские выражения. Говоря проще — мат. Известно, что русский мат возник в незапамятные, почти доисторические времена. Точнее, в эпоху татаро-монгольского ига. Однако долгое время матерные слова и выражения не были в центре всеобщего внимания. Считалось, что это язык пьяниц из самых низших социальных слоев. А также тех, кто прошел такие специфические университеты, как лагеря и тюрьмы. Конечно, порой к мату прибегали и высокообразованные интеллектуалы, но лишь в тех случаях, когда других слов просто не находилось...". Отдавая должное мягкому чувству юмора автора приведенного толкового пояснения, я сначала кое в чем усомнился и даже не согласился — тоже кое в чем.

Во-первых, не было у меня никакой уверенности, что будущие фи-

лологи из Казани действительно изучают это. Может быть, подумал я, Ю. Борин просто испытывает легкую неприязнь к татарскому народу. Впрочем, всякие сомнения быстро развеялись, стоило мне заглянуть в Интернет. "Лента.ру" полностью подтверждает все, сказанное Ю. Бориним: "В Казанском университете введен спецкурс по изучению ругательств в русском языке. Официально курс называется "Русская историческая обсценология". Обсценология как область языкознания изучает ненормативную лексику, в том числе и мат. По словам преподавателя университета Даниила Копосова, изучение этой важной дисциплины поможет молодым филологам лучше выражать свои мысли и чувства". Ну очень оригинальная мысль!

В этом месте и появилось, кстати, "во-вторых": татары ведь категорически отрицают какое-либо влияние своих предков на возникновение этой, черт бы ее побрал, русской ненормативной лексики, приводя достаточно веские доказательства.

И наконец, в-третьих: не берусь ничего утверждать, но все чаще и чаще в достаточно серьезных изданиях появляются высказывания известных ученых-историков о том, что этого самого ига... вообще не было! Вы понимаете, что получается?..

Впрочем, истоки происхождения нецензурной брани меня никак не интересуют, но большую тревогу вызывает тот непреложный факт, что "нехорошие слова" звучат сегодня повсюду совершенно легко и свободно, а отдельные газеты и журналы (особенно так называемые "молодежные издания"), как и некоторые телевизионные каналы, и вовсе всякий стыд потеряли — шпарят это все без всяких купюр и многоточий...

Думаю, что читателю интересно узнать, как обстоит дело с русским языком в среде наших соотечественников в далекой Америке. Всем понятно: сохранение родного язы-

ка — это сохранение своей культуры. Затронутой проблеме была посвящена моя статья, опубликованная ранее в русскоязычной лос-анджелесской газете "Мы и Америка". Поскольку за прошедшее время "на этом фронте" ничего не изменилось, предлагаю ее вашему вниманию с небольшими сокращениями.

Перехитрит ли Колобка
Микки Маус,
или
Для чего нашим детям
русский язык?

...До чего же быстро усваивают дети язык, который еще вчера был для них совершенно чужим! Мы с завистью наблюдаем за их успехами, но зависть эта такая белая: дети-то наши, и пусть их успехи будут все значительнее с каждым днем! А какие великолепные детские книги выставлены в витринах американских книжных магазинов — прекрасные иллюстрации, легко читаемые шрифты, — не говоря уже о качестве бумаги и прочих "мелочах"! Малыш с удовольствием берет их в руки и при первой же возможности просит находящегося рядом взрослого — почитай эту сказку, мне так нравится хитрец Микки Маус, которого каждый день показывают по телевизору...

...Обитая в "русском районе", не без интереса наблюдаю за общением наших юных земляков дошкольного и школьного возрастов. Очень просто определить — с какой степенью точности, — как долго проживают они в этой стране. Вот, оживленно жестикулируя, мимо проходят две девчушки лет четырнадцати. Я точно знаю, что они — "наши", потому что знаком с их родителями. Если б не это — ни за что не признал бы в них своих недавних соотечественниц: характерная местная скороговорка, полная раскрепощенность в жестах... А вот, по очереди футболка пустую жестяную банку, продвигается стая мальчишек. Старшему — лет десять, младший едва ли ходит в школу. Еще издали слышу испорченную русскую речь с ужасающим акцентом, обильно одобренную английскими словами: русских слов явно не хватает. "No, — говорит один из них, — tomorrow я буду busy". "А в Sunday? — уточняет старший. — Приходи в Sunday, my parents будут on over-time..." Забавно, не так ли?.. "Как человека можно распознать по обществу, в котором онращается, так о нем можно судить по языку, которым он выражается". Корректно ли приводить это высказывание мудреца Джонатана Свифта в связи с детской болтовней? Безусловно: оглянуться не успеваем, как эти детки превращаются во вполне взрослых людей с тем же искаленным языком...

...Часто задаю себе вопрос: почему так называемая первая эмиграция изо всех сил стремилась сохранить в своих сферах культуру оставленной ею страны и как главную ее составляющую — родной язык, бережно передавая его из поколения в поколение? Причем язык чистый, литературный — не чета тому суррогату, который зачастую используем в разговорной речи мы. Почему те люди, оказавшиеся на чужбине (во Франции ли, Америке — неважно), прилагая неимоверные усилия для скорейшего внедрения в новую среду — то, что и сегодня делает разумное большинство наших земляков, — почему не меньше энергии они затратили на то, чтобы их дети, изучая язык приютившей их страны, не забыли и язык оставленной родины? И не обделяем ли мы сегодня малыша, познакомив его лишь с потешным мышонком и его (американскими же) сказочными "коллегам"? Вопрос таит в себе два, как минимум, аспекта, и мы на-

зовем один из них "эстетическим", второй — "практическим".

Начав с первого, хочу задать тебе, читатель, очень простой вопрос: чем превосходят упомянутые выше сказочные "американцы" Емелю или, допустим, Василису Прекрасную?.. Или Иванушку-дурачка (который, оказывается, не такой уж и дурак)?.. Или Золотую Рыбку (отметим в скобках необыкновенное чувство юмора у людей, давших своему магазину в Лос-Анджелесе, где продается рыба для еды, это название)?.. Думаю, перечисленные герои из сказок нашего детства в любой компании окажутся, как теперь говорят, "на уровне"... А если еще вспомнить эти удивительные, наполненные волшебством строки:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...

Что же касается практики, то и здесь, по-моему, все предельно просто. Кроме английского, который будет изучаться долго и основательно, при мало-мальски серьезном отношении к получению образования молодой человек возьмет, как правило, еще и какой-нибудь иностранный язык — французский, итальянский, испанский... При прочих равных обстоятельствах претендовать на хорошую работу с большим успехом может молодой специалист, обладающий знанием второго языка. А теперь предположите, что ваш сын или внук владеет еще одним иностранным языком — русским. Представляете, насколько поднимется его рейтинг в стране, где весьма значительная часть населения говорит на этом языке?!

...Дочь моих приятелей обучалась в престижном местном университете. Незадолго до его окончания она решила изучать русский язык как одну из дисциплин. Прожив чуть более 10 лет в США и не имея никаких проблем с английским, на русском она разговаривала не слишком свободно, с акцентом, используя зачастую английские слова. Несколько раз посидев с ней за уроками, я подивился той легкости, с какой эта двадцатилетняя девушка схватывала непростые речевые обороты, как легко запоминала сложные грамматические правила... Подивился и... огорчился: "Ах, милая девочка, это все ты могла освоить походя, имея родителей, достаточно хорошо владеющих русским языком, и занимаясь с ними по 30-40 минут ежедневно, начиная с первого же дня после отъезда из Одессы. И тратила бы ты сейчас свое драгоценное время не на познание родного языка, а на изучение японского...". И как хочется, чтоб дети и внуки "наших" эмигрантов потянулись в русские книжные магазины — не только за CD с хриплыми голосами только-только "откинувшихся" "криминальных талантов", но и за Пушкиным, Гоголем, Надсоном...

...Рассказывают, что Альберт Эйнштейн молчал до пятилетнего возраста, и его родители обратились уже обратиться к психиатру, как будущий гений заговорил, да как!.. Не рассчитывайте, что ваши дети заговорят сами, по крайней мере — на русском...

В откликах читателей на эту статью содержалась, в основном, поддержка моей точки зрения, хоть и нашелся оппонент, назвавший меня идеологическим диверсантом, мешающим нашим людям вживаться в американское бытие.

Но есть и иное отношение к языкам. Наши земляки, ставшие эмигрантами в пожилом возрасте (не все, конечно, но очень многие), категорически отказываются изучать язык страны, которая их приняла, — английский. И самым парадоксальным является то, что человеку, прибывшему из бывшего СССР, можно очень даже легко обойтись и без ан-

лийского, особенно если он проживает в районе знаменитого Брайтон-Бич, давно уже прозванного Новой Одессой. Потому что ходит он в "русские" магазины, лечится у "русских" врачей, смотрит "русские" же телевизионные каналы, читает русские газеты (как местные, так и доставляемые авиапочтой из Москвы и Киева)... Самое главное — и на работу стремится устроиться к "русскому" боссу!

А теперь представьте такую картину (за подлинность ее несу полную ответственность): в "главный" магазин на Брайтон-Бич, носящий название "International" и принадлежащий, конечно же, одесситу, каким-то чудом забрел чернокожий. Я не случайно написал "каким-то чудом": на этой шумной улице толкаются, в основном, только "наши" люди. Так вот, чернокожий покупатель обращается к одной из продавщиц на английском, естественно, языке. А та, бедняга, недавно приехавшая из Кишинева или какого-нибудь другого Бобруйска, по-английски — ни бум-бум. Но не растерялась и закричала коллеге, работавшей в другом отделе и английский знавшей: "Фрида, иди сюда! Обслужи интуриста!..". Представляет — чернокожий американец в центре Нью-Йорка оказывается "интуристом"...

Те эмигранты из СССР (или уже из СНГ), которые английский язык освоили (как там говорят, "язык взяли"), значительно лучше чувствуют себя — и в материальном, и в моральном смысле. Более того, все чаще на страницах русских газет между ними возникают ожесточенные дискуссии — какой язык (английский или русский) красивей, какой более точный и даже какой... умнее. Не буду утомлять читателя подробностями этих околонучных споров, приведу только несколько из тех доводов, которые в них используются.

Пример первый. В чем сходство, задает коварный вопрос один из "философов", между двумя фразами: "Неизолированный провод проводит под тележкой" и "Гольный проводник лежит под поездом"? Оказывается, обе эти фразы на английском звучат совершенно одинаково. И следует ехидное резюме: "Велик и могуч русский язык!..."

Пример второй. Английский язык конкретен и четок, говорит один из спорщиков: слово "user" состоит всего из четырех букв, в то время как его аналог в русском языке — "пользователь" — из целых двенадцати! Ха-ха-ха, отвечает оппонент, зато наша "швея" соответствует английской "needlewoman".

Пример третий. Английский язык "изобрел" такие новые слова, как "сайт", "сервер", "офис", утверждает один из "языковедов". Второй сразу же парирует: "А в английский язык вошли русские слова "спутник", "лунник"... "А английский и не нуждается в таких заимствованиях, — упорствует первый, — потому что он имеет свое такое умное слово, как "satellite". "Да знаете ли вы, — достаёт "главный козырь" его оппонент, — что подсчитано по этимологическому словарю английского языка Скита, охватывающему 13500 корневых слов основного словарного состава: около 30% из них (4000 слов) — германского происхождения, 31% (5000 слов) взят из французского языка, 20% (2700 слов) заимствовано из латинского, 3% (400 слов) — из греческого. И еще около сотни слов, встречающихся в речи англичан, обязаны своим происхождением различным другим языкам, в том числе и русскому..." (Данные взяты из статьи Леонида Элинсона в "Лос-анджелесском вестнике", март 2004 г. — А. Г.)

Дискуссии, мягко говоря, совершенно бессмысленные, но достоверно иллюстрирующие то место, которое занимает знание языков (как и их незнание) в умах наших думающих земляков.

И последнее. Только возможность свободного общения на языке страны пребывания раскрепощает человека и избавляет его от комплекса неполноценности — родного брата безжалостной депрессии. Уж поверьте на слово автору, в течение долгих семи лет вварившемуся в котле русскоязычной эмиграции...

Фото Виктора Велунда